

29. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки по истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.

30. Супоницкая И.М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007.

31. Супоницкая И. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010.

32. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX в.: Уральское горное управление. М., 2008.

33. Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.

34. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

35. Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004.

36. Шиловский М.В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648-653.

37. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 110-114.

К.И. Зубков

Геополитические мотивации формирования Урало-Кузнецкого проекта: вызовы 1918 года

Характер проявления геополитических влияний на осуществление крупнейших проектов индустриального развития Урало-Сибирского региона в XX в. был связан в первую очередь с осознанием ведущими общественными силами России объективно назревшей необходимости изменения территориально-экономических пропорций в развитии страны, формирования новых перспективных векторов хозяйственной экспансии. Д.И. Менделеевым еще в 1896 г. была высказана мысль о том, что развитие России как великой экономической державы не может в дальнейшем опираться только на области «чисто промышленного, т.е. наиболее сложного и развитого быта» (Москва, Петербург, Рига, Варшава), пользовавшиеся «выгодами торгового положения» ввиду близости к рынкам Европы или на районы, выросшие за счет тяготения к берегам «теплых морей, ... составляющих главный путь крупных международных торговых оборотов» (Южный, Закавказский) [1, с. 40, 42, 44]. Сдвиг производительных сил России на вос-

ток, формирование мощной «срединной базы» развития индустрии становится на рубеже XIX–XX вв. одной из основных тем российской общественно-политической мысли.

В определенные критические моменты истории эти общие ожидания и предвосхищения будущего получали значительное ускорение и концептуальную конкретизацию. Одним из таких моментов, когда идея формирования «срединной» индустриальной базы России получила дополнительный толчок, стал политический кризис советского режима середины 1918 г., связанный с подписанием Брестского мира и острыми спорами внутри партии большевиков по поводу перспектив развития революции. Большевики менее, чем кто-либо из их политических оппонентов, могли рассчитывать на твердую гарантированность мира с Германией. В марте 1918 г. первой же акцией большевиков, последовавшей за подписанием договора в Брест-Литовске, стал переезд Советского правительства из Петрограда в Москву. По существу, это была эвакуация, необходимость которой объяснялась опасением поставить судьбу столицы, как и всей революции, в зависимость от хрупкого перемирия и искушения со стороны немцев «одним коротким ударом» покончить с большевиками [2, с. 74].

Опасения насчет немецкого наступления усилились непосредственно в преддверии VII съезда РКП(б), который должен был ратифицировать Брест-Литовский договор. В эти дни большевистским руководством лихорадочно просчитывались и резервировались различные варианты развития событий. Уже 5 марта 1918 г., направляя ноту Советского правительства полковнику Р. Робинсу, представлявшему Американскую миссию Красного Креста в России, Л.Д. Троцкий запрашивал последнего о том, на какую поддержку (в первую очередь военным снаряжением) со стороны США, Англии и Франции могло бы рассчитывать правительство большевиков в борьбе с Германией в случае нератификации или вынужденного разрыва только что подписанного договора. В обращении Троцкого ясно были указаны те опорные пункты северного побережья Европейской России, которые большевики готовы были превратить в стратегические каналы получения помощи от Великобритании: Мурманск и Архангельск. Особые опасения у большевиков вызывали также агрессивные устремления Японии, которая, как ожидалось, не преминет воспользоваться хаотичным состоянием власти на дальневосточных окраинах России. Троцкий специально интересовался те возможные меры противодействия японцам, которые могли бы предпринять США в случае захвата японцами Владивостока и «Восточно-Сибирской железной дороги», а также их попыток воспрепятствовать концентрации советских войск на востоке, «в районе Урала» [3, р. 41–42]. (Ирония ситуации заключалась в том, что большевики, возможно, не предвидя всех последствий такого лавирования, фактически сами «призывали» интервен-

цию в те стратегические пункты, на которые должна была опираться вся система союзной обороны против натиска Германии).

В оценке этого документа трудно во всем согласиться с Ю. Фельштинским, который настаивает на существовании реальных расхождений между отчетливо «прогерманской» ориентацией Ленина и «проантантовской» – Троцкого [4, с. 282-283]. Несомненно, что Троцкий, действительно, полагал, что целям упрочения большевистского режима и инспирации революционного взрыва в Германии в большей степени отвечал бы военный союз с державами Антанты. Но ясно, что и сам Ленин был также активно вовлечен в рискованное предприятие, связанное с зондированием американской поддержки против немцев. Невозможно предположить, что, принимая у себя 6 (или 7) марта Р. Робинса, просившего отсрочить ратификацию Брест-Литовского договора до получения ответа на ноту от правительства США, Ленин не был посвящен во все детали инициативы Троцкого. Об этом факте говорит, в частности, ссылка в биографической хронике В.И. Ленина [5, с. 680]. Другое дело, что вождям большевиков волею обстоятельств пришлось прибегнуть к демонстративному разделению ролей в контактах с противоборствующими в войне коалициями. Возможно, Ленин взял на себя самую невыгодную часть этого тактического мероприятия.

Именно в этот период царившего в партии большевиков «стратегического дипломатизма» в сознании их вождей (прежде всего, Ленина и Троцкого) поселилась идея неизбежности отступления вглубь страны и перенесения опорной базы большевистского режима на территорию так называемой «Урало-Кузнецкой республики». Возникла эта идея, по-видимому, в чисто полемическом контексте внутривнутрипартийных споров о ратификации Брест-Литовского мира. Настойчиво стремясь убедить членов ЦК, а затем и всю фракцию «левых коммунистов» ратифицировать грабительский мир, Ленин доказывал самоубийственность стратегии «революционной войны», ссылаясь, прежде всего, на невозможность предсказать сроки наступления революционного взрыва в Германии – события, которое, согласно догматике революционного марксизма, должно было определить не только международные перспективы русской революции, но и самое ее жизнеспособность: «...Без немецкой революции мы погибли, – может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит перебраться...» [5, с. 15]. Однако, проводя свою прагматическую линию на ратификацию мира в том пространстве аргументов, на которых базировалась позиция «левых», Ленин, несомненно, должен был выразить хотя бы демонстративное согласие с некоторыми доводами сторонников «революционной войны». Уже 7 марта 1918 г. на съезде на позицию Ленина, ставившую возможность развертывания «революционной» войны в зависимость от темпов нарастания революции в Германии, обрушился М.С. Урицкий: «Ленин согласен вести революционную

войну, если мы гарантируем, что революция в Германии начнется через 3–4 месяца. С той же самой армией он готов был воевать 3–4 месяца, готов был отступить до Урала, если мы ему революцию гарантируем». (Иронизируя по этому поводу, Урицкий говорил о «неизбежности» смены Петроградского, а затем и Московского периодов революции «Сибирским» или «Челябинским») [6, с. 44, 46].

Однако, уже в контактах с Р. Робинсом Троцкий (конечно, максимально смягчая бескомпромиссно-отрицательную позицию вождя большевиков к союзам с «акулами империализма», особенно англо-французского) ссылаясь на ленинский «план отступления» как на вполне серьезный стратегический ход: «Ленин понимает, что угроза германского наступления столь велика, что если бы он смог достигнуть экономического сотрудничества и получить военную помощь от союзников, то он отказался бы от Брестского мира, отдал бы в случае необходимости Москву и Петроград, отошел бы к Екатеринбург, создал бы фронт на Урале и сражался бы с помощью союзников против Германии» [4, с. 282]. Неизвестно, насколько серьезно Ленин мог связывать идею отступления вглубь страны с возобновлением военного союза с Антантой, но безусловно то, что как изолированную стратегию для большевистского режима, блокированного с запада и востока враждующими империалистическими коалициями, он ее не только предусматривал, но и пытался развивать в деталях. Согласно воспоминаниям Троцкого, сценарий отхода Ленину виделся таким: «Отступим дальше, на восток, на Урал ... Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой. <...> Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петербург» [7, С. 88-89].

Оценивая ситуацию весны 1918 г., английский историк Э. Модсли считает ленинскую идею отступления большевистских сил на Урал и в Сибирь такой же фантастической, как и тогдашние «стратегические мечтания» некоторых военных плановиков Антанты о том, что на Урале (или даже на Волге) возможно будет выстроить сильный антигерманский фронт при опоре на движущиеся с востока воинские контингенты Японии [8, р. 100-101]. В сущности, не далеки от этой современной оценки и признания самого Троцкого, который считал, что «концепция Урало-Кузнецкой республики» для Ленина была не столько реальным планом, сколько мобилизующей морально-психологической установкой, призванной преодолеть настроения отчаяния и паники в среде большевиков после фактического провала брестской политики «умиротворения» Германии [7, с. 89].

Эта гипнотическая идея, тем не менее, выливается у Ленина в целую серию работ, которым позднейшая советская историография – вне всякой

связи с их историческим контекстом – спешила придать характер смелых предвидений, развивавших крупномасштабный программный подход к освоению богатств Урала и Сибири. Совершенно очевидно, например, что в написанной в апреле 1918 г. работе «Очередные задачи Советской власти» речь шла не о том, *как использовать* полученную в результате Брестского мира «передышку» (которой в реальности не было). Статья эта решала чисто *внутрипартийные задачи*: и утопический план реорганизации всего российского жизненного порядка, и ленинские рассуждения о «материальной основе крупной индустрии», которой Россия продолжает обладать «даже после Брестского мира» (а среди этих ресурсов особо выделены «гигантские запасы руды» на Урале, «каменный уголь» Западной Сибири, нефть Кавказа и юго-восточных районов Европейской России и т.п.) [5, с. 188] были подчинены одной цели – оправдать политический провал брестской политики и создать в ближайшем окружении и в широких слоях партии иллюзию того, что даже в условиях продолжающегося наступления немцев мифическая «передышка» *является реальностью*.

Известные черты реализма идея перенесения базы большевистского режима в глубокий тыл приняла лишь в начале мая 1918 г., когда ЦК РКП(б) принял ленинский проект постановления по вопросу о международном положении. В постановлении недвусмысленно говорилось: «Направить все силы на защиту Уральско-Кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии», и далее в разъяснение добавлялось: «Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще и Экспедиции заготовления государственных бумаг в частности» [5, с. 315]. (Как нам приходилось уже писать, не исключено, что с этим планом следует связывать исключительно быстрые и решительные действия большевистского режима по национализации уральских горных округов в первой половине 1918 г.) [9, с. 78].

Подлинный смысл «урало-сибирской» стратегии Ленина проясняют «Тезисы о современном политическом положении», подготовленные им для ЦК через несколько дней, 10 мая 1918 г. Фактически признавая провал брестской политики «передышки» и оправдывая его ссылками на победу в руководстве Германии «военной партии», стоящей за немедленное *общее наступление* на Россию, Ленин пытается убедить членов ЦК, что и в этом случае «внешняя политика Советской власти *никоим образом не должна быть изменяема*» (в то время как вопрос об этом в самой партии назрел!). Дилемма, стоящая перед большевиками, согласно Ленину, была следующей: либо разрыв Брест-Литовского мира и продолжение войны с Германией, либо «нашествие японцев», поддержанных Антантой. Ленин настойчиво пытается представить предложения Антанты о военном сотрудничестве как очередной «ультиматум» империалистов, аналогичный германскому, и подчеркивает реальную опасность поддержанного Антантой японского наступления. В то же время Ленин доказывает, что и принятие соглашения с

англо-французским империализмом неминуемо повлечет за собой «продвижение многих японских корпусов» с востока «внутрь Европейской России», что приведет к полному краху Советской власти [5, с. 322-323]. Идея отступления на Урал в этом контексте предстает как продолжение линии на рискованное балансирование между двумя империализмами и на сохранение по отношению к ним максимально возможной «симметрии» нейтралитета. Ленин доказывает, что «опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжительное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России» и что в любом случае выбор большевиков между двумя воюющими коалициями, оказывающими на Советскую власть *военное давление*, должен склоняться по-прежнему в пользу Германии как «меньшего зла» [5, с. 323].

По существу, Ленин даже в условиях острейшего политического кризиса в партии вновь переиграл своих оппонентов, аргументируя свою позицию обстоятельствами и величинами *совершенно фантастическими* в категориях текущей политической обстановки, но *вполне реальными* в качестве смыслообразующих геостратегических проекций. (Последовавшее в июне 1918 г. восстание чехословацкого корпуса продемонстрировало не столько организованность натиска антибольшевистских сил на Урале и в Сибири, сколько критическую слабость здесь большевистского влияния. Это делало совершенно иллюзорным весь стратегический сценарий создания «Урало-Кузнецкой республики», хотя сам расчет временно опереться на военно-индустриальные ресурсы Урала и Сибири был вполне реалистическим).

Другое дело, что по многим обстоятельствам к лету 1918 г. на территории Урала и Зауралья как на своеобразной стратегической «оси» сфокусировались расчеты всех вовлеченных в сложную интерлюдия русской революции внутренних и международных политических сил. Для Ленина «Урало-Кузнецкая республика» – в одном только качестве голой идеи – стала возможностью преодолеть внутренний кризис в большевистской партии, связанный с провалом брестской политики, и продолжить линию на спасение своего «социалистического острова» под «внешней оболочкой» Брест-Литовского мира [5, с. 330-331]. Антантой возможность складывания на территории России антигерманского фронта рассматривалась также главным образом через удержание стратегического контроля над Уралом и прилегающими территориями Западной Сибири через поддержку там антибольшевистских сил. Эти внутренние районы России являлись не только основной продовольственной базой страны, но и ключевым звеном в выстраивании сплошной линии «восточного» фронта против Германии и блокировании ее планов добиться полной военной и экономической гегемонии над континентальной Россией. 2 июля 1918 г. Высший Военный Совет Антанты, обосновывая в послании госсекретарю США Р. Лансину необходимость

союзной интервенции в России, подчеркивал, что главными стратегическими целями военного вмешательства в русские дела являлись (а) оккупация Мурманска и Архангельска для сохранения единственных плацдармов бесперебойной связи с Россией и возможности обеспечить с севера быстрое продвижение в ее центральные районы, а для эффективной поддержки этого наступления (б) скорейшее установление с помощью восставшего чехословацкого корпуса контроля над территорией между Уралом и Сибирью. В документе констатировалось, что превентивные военные меры вынуждены крайне опасным развитием событий, приближающим Германию к полной гегемонии над жизненно важными территориями России: «Если немцы получат контроль над Западной Сибирью, а также над Архангельском и Мурманском, то они блокируют последние линии связи между Россией и внешним миром и получают в свое распоряжение запасы продовольствия, без которого Россия окажется в состоянии голода. Немцы уже превратили Черное море в германское [озеро]. Они быстро, насколько это возможно в их ситуации, продвигаются к Каспию, что дает им контроль над Волгой и ее водными коммуникациями с Западной Сибирью, и они также готовятся к зиме оккупировать Мурманское побережье. Если они преуспеют в достижении этих целей, немецкое господство в России будет полным. Тогда они не только будут контролировать российские ресурсы, но и под угрозой голода смогут заставить русский народ работать на них, а, возможно, даже сражаться на их стороне на поле боя. Все надежды на возрождение России на подлинно демократических началах зависят от незамедлительного занятия союзниками хлебных житниц Западной Сибири» [3, р. 83-84].

Германские стратегические расчеты (особенно к лету 1918 г.) были зеркальным отражением антантовских: проекции германской «евразийской» стратегии и в ресурсно-экономическом, и в военно-стратегическом отношении, в конечном счете, также замыкались на урало-сибирском «ядре» России. Ввиду неустойчивости большевистского режима и откровенного саботажа Брестского мира русским обществом, германское посольство в Москве в начале 1918 г. вынашивало план блокировать силами германской армии возможное объединение Добровольческой армии белых и зреющих на востоке страны проантантовских сил, для чего предстояло сделать отчаянный военный бросок – «протянуть нить к Обренбургу и Сибири над головой Краснова», одновременно подготовив наступление на Москву и замену большевистского режима правым (предпочтительно промонархическим) правительством, ориентированным на сближение с Германией [4, с. 423]. Каждой из противоборствующих сторон стратегический контроль над территорией Урала рассматривался, по существу, как решающее условие военного перелома на восточном театре Первой мировой войны.

Ни одна из этих геостратегических проекций не приобрела в 1918 г. завершенного характера и крупномасштабных последствий. Прямые геостра-

тегические последствия противостояния Германии и стран Антанты на территории России были во многом сдмпфированы стихией разрастающейся гражданской войны и собственными планами большевиков по стабилизации своего режима. Тем не менее, эскизно определившаяся в сложных обстоятельствах 1918 г. геостратегическая роль Урала и Западной Сибири должна была укрепить большевиков в решимости создать в этих районах прочную «срединную базу» индустриального могущества на случай будущих столкновений с империализмом.

Примечания

1. Менделеев Д.И. С думою о благе российском: Избранные экономические произведения. Новосибирск, 1991.
2. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990.
3. Documents of Soviet-American Relations / Ed. by H.J. Goldberg. – Vol. 1. Intervention, Famine Relief, International Affairs. 1917–1933. Gulf Breeze (FL), 1993.
4. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
6. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. М.; Л., 1928.
7. Троцкий Л.Д. О Ленине: Материалы для биографа. М., 1924.
8. Mawdsley E. The Russian Civil War. L.; Sydney; Wellington, 1987.
9. Зубков К.И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890-е – 1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. № 1. Екатеринбург, 1994.

В.М. Рынков

Процессы деиндустриализации на Урале и в Сибири в годы Гражданской войны.*

В первой половине XX века Россия, а затем СССР переживали процесс ускоренной модернизации индустриального сектора экономики. Принято выделять как минимум две стадии этого процесса. Первая связана с успехами отечественной экономики в начале века, когда Россия занимала лидирующее место по темпам роста индустриального сектора. Позитивная динамика в это время основывалась на активизации частнопредпринимательских форм хозяйства, дополненных активным государственным регулированием. Следующая стадия связана со становлением централизованной экономики, ускоренной индустриализацией на основе плановых заданий в 1930-е гг.

*Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта Президиума РАН № 25.3.3 «Социокультурные трансформации населения Сибири в XX в.»